

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Базылев В. Н.
Москва, Россия

СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА

Abstract

The article presents the model of translation regarded as a kind of metalanguage. The model takes into account the roles of all parties: the client being the initiator of the communicative act of translation, the translator, the source text, the source text maker, the source text sender, the source text receiver, the translation, the translation receiver, the translation sender.

***

Бесспорно то, что проблемы билингвизма и метаязыка являются взаимодействующими. Факт малоизученности этого функционального взаимодействия является очевидным, чем и объясняется наш интерес к данной теме.

В процессе перевода коммуникативная деятельность индивида протекает в сферах двух языков, причем их функции различны: исходный язык функционирует в плане реализации, а язык перевода используется в плане трансмиссии. При совпадении многих знакотипов и структур на различных уровнях – части речи, синтаксические, дистрибутивные и сочетаемостные структуры синтагм, типы предложений и т.п. – наблюдается ряд существенных расхождений и в плане выражения, и в плане содержания, складывается такая субстанциональная метаязыковая сущность, которую именуют метаязыком перевода. Она образуется в процессе перекодирования и порождения равноязычных или относительно равнозначных отпечатков слов двух языков. Метаязык перевода является результатом сложного взаимодействия двух или более языков, входящих в состав структурной парадигмы перевода, где метаязыковая функция прослеживается то в одном, то в другом из языков.

Каждый из языков-участников процесса перевода имеет свои особенности и характеристики на уровне сложившихся моделей, которые соответственно реализуются в метаязыке. Сам перевод становится метаязыком, поскольку он лексически, лексикографически, семиотически, в знаковой интерпретации, в фонетической интерпретации отличается от каждого в отдельности и является продуктом образования двух или более языков, включая их семиотику и семантику в своей формально-грамматический статус.

Наше понимание метаязыка в целом несколько нетрадиционно. Оно строится на метаязыковых концепциях Р. Якобсона, Й. Шмидт-Редефельда и включает такие параметры, как субстанциональность, модальность, формально-грамматическая структура. Эти три составляющих, как мы полагаем, справедливы и для метаязыка перевода.

Субстанциональность, своеобразные сочетания слов, терминологическая лексика, понимаемая более широко и включающая помимо чистых терминов еще и семантические группы лексических единиц, зависящих, во-первых, от социолингвистического контекста; во-вторых, от менталитета переводчика и от его языковой компетентности, т.е. от ментального аспекта прагматики метаязыка перевода. Последнее относится в равной степени и к таким метаязыковым аспектам перевода, как модальность и формально-грамматическая структура. Переводчик зачастую интуитивно строит логическую цепь информации, переходя от одной языковой системы к другой. При этом ему нужно выбрать необходимую информацию – это справедливо для переводчика как устной, так и письменной речи – первичного текста и воспроизвести ее в конечном тексте. С другой стороны, мы можем также говорить о метаязыке как о совокупности знаков, по Ч. Пирсу, составляющих первичную и конечную интерпретанты. В понятие первичной интерпретанты мы вкладываем семантическую направленность иллюкутивного действия, оказываемую на переводчика в процессе понимания текста на языке оригинала. Конечная интерпретанта представляет собой семантическую направленность иллюкутивного действия, оказываемого на реципиента в процессе понимания им текста на языке перевода, подготовленное переводчиком в результате долгих и серьезных усилий в процессе перевода. Процесс перевода, как мы полагаем, строится на тех же принципах, что и процесс коммуникации, описанный Ч. Пирсом. Здесь мы можем говорить о процессе перевода как о «коммуникации перевода». Переводчик любого текста, как письменного, так и устного, получает непосредственное знакомство с информацией на языке оригинала, определяет тематику, стиль и смысл текста, его субстанциональность и модальную характеристику, данную автором информации. В сознании переводчика возникает данная информация в виде знака или ряда знаков с их значением, составляющих первичную интерпретанту. Причем, в процессе устного перевода знаки могут быть как словесными, так и несловесными – жесты, артикуляция, интонация. Понимание переводчиком текста представляет собой неосознанный, интуитивный процесс извлечения смысла информации, минуя языковое содержание. Переводчик извлекает смысл высказывания, применяя всю совокупность своего предыдущего опыта и знание обстановки общения именно к данному языковому содержанию, которое определяется набором знаков языковых и неязыковых – при устном переводе, -способом их организации в высказывании и их значением. Решение этой задачи предполагает детальное сопоставление содержания оригинала и перевода, описа-

ние структуры этого содержания и относительной важности ее компонентов на различных уровнях, отражение в тексте воздействия различных факторов ситуативного и культурно-исторического характера. Полученная переводчиком информация кодируется им также в виде знаков на языке перевода, причем знаков и модального характера, к которым относятся как языковые – модальные слова, модальные частицы, модальные словосочетания, фразеологизмы и идентификаторы выражения значений модальности, – так и неязыковые знаки – интонация, отрицание, интуиция, художественные средства языка, а также средства, выражающие истинное и ложное в языке. При этом качество перевода определяется уровнем языковой компетентности и менталитета переводчика. Критерием перевода, вероятно, может служить наиболее точное отражение смысла исходного текста, сохранение его модальных и стиливых характеристик. Формально-грамматическая структура, однако, может быть произвольной только до той степени, какую позволит стиль. Разумеется, перевод должен быть лишен калькирования и в разумных пределах заимствований.

Теоретическое осмысление такого сложного и многогранного явления, как перевод в области прагматических исследований его механизма, все более привлекает внимание лингвистов. Поскольку развитие каждого языка находится в состоянии динамической функциональности, опирающейся на прагматику общения, изучение лингвистических аспектов функциональных систем, обеспечивающих выполнение речевой деятельности, остается полем актуального исследования.

Специфическая прагматика процесса перевода содержит в себе широкие возможности отношений в семантическом и лексическом плане на семиотическом уровне. Рассматривая прагматику коммуникаций в художественном тексте, вслед за В. Дресслером, можно разграничить т.н. внешние факторы текста, которыми переводчик манипулирует и которые моделирует в процессе своей деятельности. К ним В. Дресслер относит статичную и динамичную величины. Статичную величину составляет окружающая обстановка, место действия и драматические персонажи. Динамическая величина складывается из действий, планируемых и представляемых автором. Таким образом, статичную величину можно, видимо, отождествлять с речевой или коммуникативной ситуацией, а динамичную – с речевыми событиями как с частями социального действия и взаимодействия или как с макроречевым актом, состоящим из объединения одиночных речевых актов.

Как неоднократно подчеркивалось в исследованиях современных западных лингвистов, перевод является особым типом коммуни-

кативного текста. Здесь особый интерес, на наш взгляд, должна представлять модель перевода Кристиан Норд, которая максимально дифференцирует роль участников и включает следующие сущности: заказчик как инициатор коммуникативного акта перевода, переводчик, исходный текст, производитель исходного текста, отправитель исходного текста, получатель исходного текста, конечный текст, получатель конечного текста, отправитель конечного текста. Норд указала на то, что процесс перевода зависит от будущей функции конечного текста, которая в свою очередь зависит от потребностей инициатора. Сущность языковых источников: первичного и конечного текстов – определяется коммуникативной ситуацией, в которой они служат выражением сообщения. Коммуникативную ситуацию, или речевую ситуацию, Норд определяет и характеризует как следующие сущности с их свойствами и отношениями: производитель, отправитель, получатель, способ коммуникации, место выработки текста, восприятие, время коммуникации.

Собеседники обращаются к элементам речевой ситуации. Они могут связывать аспекты лингвистической формы с аспектами контекста. Это значит, что устные и письменные переводчики должны рассматривать все элементы, относящиеся к данной речевой ситуации. Принимая во внимание то, что ни Норд, ни другие авторы теории перевода не прилагали усилий для того, чтобы дифференцировать и характеризовать роли инициаторов, производителей, отправителей и реципиентов, В. Дресслер составил схему или стандарт участников языковой ситуации. По его мнению, типовые участники речевой ситуации состоят из говорящего (производителя текста), адресата (непосредственного получателя, реципиента), пассивных участников, т.е. аудитория при говорящем, свидетели или случайные слушатели. Задавая вопрос или делая примечание к обсуждаемому, мы становимся говорящими. Обсуждаемое в этом случае будет предметом нашего речевого акта, а аудитория будет представлять собой аудиторию при говорящем, т.е. слушателей. Целью речевого акта является оптимальное усвоение слушателями сообщаемой информации. При этом мы должны учитывать «качество» слушателей. Обратимся к письменному переводу. Подлинным адресатом письменного произведения является читатель, к которому обращается автор. Но читатель может дифференцироваться: обычный читатель, критик или обозреватель, которые с различных точек зрения могут оценивать труд автора. Последние два типа читателя являются скорее пассивными участниками. Автор может писать свое произведение, стараясь предупредить их возможные возражения, но такое произведение будет уже не подлинным, а искусственным. В некоторых

текстах барокко непосредственным читателем или адресатом может быть король или монарх, которому посвящено это произведение, другие читатели являются в этом случае пассивными участниками, и обычно переводчик и читатели таких переводов попадают случайно в число пассивных участников (или свидетелей). В этом смысле переводчик не является читателем, подобно другим читателям. Здесь происходит четкое разделение ролей. Если переводчики, например, наслаждаются чтением литературного источника таким же образом, как и другие непосредственные читатели, тогда он относится к адресатам первичного текста. В этом случае он выступает не в роли переводчика. А когда он читает первичный текст для того, чтобы перевести его, он становится метачитателем подобно филологу, который читает первичный текст с намерением его филологического или лингвистического исследования. В их относительном метачтении все они являются адресатами исходного текста. Разделение коммуникативных ситуаций первичного и конечного текстов и, соответственно, двух макроречевых актов четче в письменном переводе, чем в устном. Как известно, коммуникация при переводе осуществляется сложным путем. Один из коммуникантов передает информацию, создавая речевое произведение (текст) с помощью исходного языка. Эта информация поступает к переводчику, который передает ее с помощью речевого произведения на язык респондента. Последнее интерпретируется другим коммуникантом, завершая акт общения. Понятно, что отличительным признаком перевода в процессе общения двух языков является его двуязычный характер. Процесс коммуникации как бы раздваивается: первая часть его осуществляется с помощью речевого произведения (текста) на исходный язык, вторая с помощью текста на язык респондента. Переводчик письменного текста принимает во внимание первичный текст как средство для производства конечного текста, он является вторым говорящим. В семиотическом выражении его конечный текст устанавливает связь с первичным текстом, особенно между смысловыми структурами конечного и первичного текстов. В коммуникативном переводе переводчик должен вызвать в своем воображении и передать читателю фантазии автора первичного текста.

Процесс перевода, рассматриваемый в аспекте прагматики метаязыковой субстанциальности, определяется как завершенное явление, если присутствует сторона речевого поведения, воздействующая на собеседника, речевое давление на него, иначе говоря, – результат усилий к достижению цели, заверше-

ние семантического метаязыкового взаимопроникновения – перлокуция. В процессе перевода наиболее эффективен прагматический метаязыковой семантико-лексический выбор фактических, целевых и результативных аспектов перевода, используемого для направленного межъязыкового общения. Таким образом, согласно семиотической теории Ч. Пирса, процесс коммуникации является вербальным актом семиотики, если его рассматривать на уровне дискурса. Семиотика Ч. Пирса включает понятие интерпретанты, которое мы рассматриваем как особо важный момент в процессе перевода для продуцирования и восприятия знака. Знак адресуется кому-либо таким образом, что он создает в уме другого человека эквивалентный знак или возможно более усовершенствованный знак.

Проблематичным остается то, каким образом переводчик должен действовать, чтобы создать определенный тип интерпретанты конечного текста в мозгу реципиента – получателя. И здесь обращает на себя внимание ментальный аспект прагматики перевода, который, как известно, характеризуется менталитетом переводчика, зачастую интуитивно строящим логическую цепь информации, обеспечивая переход от одной языковой системы к другой. Как уже говорилось выше, становится очевидным, что переводчику необходимо выбрать интерпретанту первичного текста и воспроизвести ее в конечном тексте. При этом реципиент уже создает в своем представлении более усовершенствованную интерпретанту, которая может быть такой же интерпретантой, как у Ч. Пирса, являющейся интерпретированным результатом, к которому намерен прийти каждый переводчик, если знак им достаточно рассмотрен. Семиотика рассматривается нами на уровне дискурса, поэтому здесь прагматика имеет первостепенное значение, а семантика – второстепенное. Известная и практически никем не оспариваемая теоретическая трактовка прагматики, предложенная Л. С. Бархударовым, во всех своих аспектах может быть характеризующей отношение между знаком и данностью – предметом, явлением, действием, состоянием и т.д., обозначаемой этим знаком. Отсюда трактовка интерпретанты как прагматической сущности, которую можно выделить в процессе коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Holz-Maenttaeri J. *Translatorisches Handeln*. – Helsinki, 1984.
 Nord C. *Text analysis in Translation*. – Amsterdam, 1991.
 Snell-Hornby M. *Translation Studies*. – Amsterdam, 1988.

© Базылев В. Н., 2008